

Аньпин был ближайшим уездным городом к деревне Ланьтан и одним из четырёх уездов, напрямую подчинённых округу Хаочжоу. До окружного города было меньше восьмидесяти ли, так что место считалось довольно зажиточным. От деревни Ланьтан до городских ворот — меньше двадцати ли. Местным крестьянам за вход в город платить не нужно было, но, если они хотели поставить лавку на рынке и торговать, приходилось отдавать несколько крупных медных монет в качестве платы за место.

Въехав в город, гер Цин не направился на рынок, а ловко повернул телегу к знакомой посреднической лавке. Такие лавки выступали посредниками в сделках, сводили покупателей и продавцов и брали комиссию, а также зарабатывали на перепродаже товаров с наценкой.

Основной их доход приносили сделки с землёй и купля-продажа людей, но они не гнушались и мелкими делами — торговали древесным углём, шёлком, скотом, а также зерном и дарами гор. Пока дело приносило прибыль, не существовало такого товара, которым посредники не занялись бы.

Та лавка, с которой имел дело гер Цин, не была крупной, она в основном обслуживала простых людей и мелкую торговлю. Хозяевами была супружеская пара, помогали им племянники и несколько наёмных работников. Они отличались честностью и давали разумные цены, никогда не пытались прижать гера Цина лишь потому, что он был одиноким гером. К тому же, хотя за дрова здесь платили чуть меньше, чем на рынке, всё равно выходило выгоднее, чем отдавать деньги за торговое место. А сегодня у гера Цина были и другие дела, поэтому сидеть и ждать покупателей времени не было.

«Гер семьи Шэнь, ты пришёл! Давненько тебя не видели, мы уж заждались», — радушно встретила его хозяйка лавки, едва заметив. Зимой дрова пользовались большим спросом, а связки Шэнь Цина всегда были аккуратно нарублены, одной длины и хорошо просушены. Стоило им появиться в продаже, как зоркие хозяйки и домовитые мужья тут же разбирали всё подчистую.

«В последнее время дрова опять подорожали, ещё на две монеты. Если постарайся и привезёшь побольше, Новый год встретишь без забот».

«Тётушка Чжэн, — откликнулся гер Цин, позволяя работникам разгружать телегу, — боюсь, много возить больше не смогу. Не повезло мне. В горах наткнулся на дикого кабана. Едва живым выбрался, да ещё и руку поранил, теперь для тяжёлой работы сил не хватает». Он закатал рукав и показал рану. «Если до Нового года смогу привезти дрова хотя бы ещё один раз, это уже будет большая удача».

После вчерашних «наставлений» У Гуйсян гер Цин всё думал о том, как стать более разговорчивым. Теперь, когда у него появился такой большой секрет, ему неизбежно придётся скрывать его в разговорах. Сегодня был своего рода небольшой пробный шаг.

В дальнейшем он собирался продолжать ходить в тот другой мир. Разумеется, у него уже не будет времени постоянно рубить дрова, да и смысла продолжать такую изнурительную работу тоже не было. Но если он вдруг совсем перестанет заготавливать дрова, а при этом по-прежнему будет часто ходить в горы, деревенские неизбежно заподозрят неладное. Зима была временем простоя для земледельцев, в полях делать было нечего, а свободного времени, чтобы перемывать соседям кости, — хоть отбавляй.

Поэтому он решил рубить немного дров по дороге — для отвода глаз. Тем более многие уже

знали о его повреждённой руке, и если дров станет меньше, это никого не удивит.

Увидев рану, хозяйка лавки сочувственно прищёлкнула языком: «Ох ты ж, небеса... Наткнуться на дикого кабана — это ведь не шутки! То, что ты вообще выбрался живым, уже настоящее чудо. Рана глубокая, за ней нужно хорошенько следить». Она вздохнула, испытывая одновременно и облегчение, и сожаление. Перед Новым годом дрова дорожали, и ей было жаль, что гер Цин не сможет чуть больше подзаработать. Она знала, как ему нелегко живётся: если бы семья была обеспеченной, разве пошёл бы гер работать в лес дровосеком? Из жалости она округлила сумму расчёта, добавив ещё две медные монеты, и посоветовала: «Сходи в лечебницу, покажи рану. Зимой, может, и не так легко занести заразу, но порез всё-таки длинный».

Гер Цин лучше всех знал своё состояние и не слишком беспокоился, но, понимая, что слова сказаны с добротой, кивнул. Затем он спросил: «Тётушка, можно я пока оставляю здесь телегу? Мне нужно купить кое-что к Новому году, а таскаться с телегой неудобно».

«Конечно можно! Оставляй здесь. Если купишь что-нибудь тяжёлое, пусть сразу несут сюда, а я велю работникам погрузить всё на твою телегу», — охотно ответила она.

Договорившись, гер Цин передал телегу с мулом работникам и вышел из лавки, направившись напрямиком в ломбард.

По дороге он сомневался: пойти в ювелирную лавку или всё же в ломбард, и в конце концов выбрал второе. Во-первых, в ломбард он уже ходил раньше, когда сопровождал семью закладывать вещи, и примерно знал, как там всё устроено. В ювелирной лавке он бы затерялся.

Во-вторых, в своей поношенной одежде он наверняка вызвал бы презрительные взгляды приказчиков в ювелирной лавке, да и к его вещам могли бы отнестись несерьёзно. А если сделка сорвётся, придётся ещё и выслушивать снисходительные насмешки. В ломбарде же деньги есть деньги, разница в цене не слишком велика, разве что немного удержат за работу мастера.

Решив так, гер Цин переступил порог ломбарда.

Большинство посетителей здесь были из небогатых семей, ведь без нужды никто не понесёт свои вещи в заклад. Приказчики давно привыкли иметь дело с людьми в трудном положении и потому не кривились, глядя на его потёртую одежду. Один из них молча проводил его к прилавку.

За высоким прилавком сидел пожилой мужчина с поседевшей бородой, облачённый в длинное одеяние. Он восседал на возвышенном кресле, отчего казался ещё более внушительным. Гер Цин выложил на поднос два нефритовых браслета и серебряный замочек и подтолкнул их вперёд.

Старый оценщик аккуратно, через тряпицу, взял каждую вещь и внимательно осмотрел их по очереди. Затем он прищурился и долго, пристально разглядывал гера Цина, прежде чем медленно и тяжеловесно произнести: «Откуда у тебя эти вещи?»